

Юань Ли не успел вдоволь побыть с родителями — время пролетело незаметно, и настал день отправления в столицу.

В доме князя Чу не желали ждать ни лишней минуты. Едва забрезжил рассвет, как у ворот уездной управы уже стоял экипаж, а слуги принялись выгружать стопки красных деревянных сундуков с дарами. Семья Юань не собиралась наживаться на щедрости княжеского дома: в ответ Юань Сун распорядился собрать ровно столько же подношений, сохраняя достоинство и подобающий чин.

Когда повозка тронулась, Юань Ли приподнял занавеску. Он смотрел на родителей, которые со слезами на глазах махали ему вслед. Подавив подступившую тоску, он улыбнулся — светло и беззаботно, как в детстве, — и помахал им в ответ.

Увидев эту лучезарную улыбку, госпожа Чэнь не выдержала и сделала несколько шагов вслед за экипажем:

— Ли-эр!..

Юань Сун мягко удержал её за плечо. Превозмогая боль расставания, он ободряюще кивнул сыну.

«Ступай».

«Ступай и возвращайся скорее. Твой отец будет ждать того дня, когда ты вернешься домой, покрытый славой».

Экипаж постепенно отдалялся, пока фигуры родителей не превратились в точки и не исчезли вовсе. Лишь тогда Юань Ли опустил занавеску. Он тихо вздохнул, но быстро взял себя в руки.

Жунъян находился всего в сотне миль от Лояна. Юань Ли с юных лет привык к самостоятельности еще в прошлой жизни, так что горечь разлуки, хоть и терзала сердце, не лишила его рассудка. Он погрузился в раздумья о том, что рассказывал ему отец о семействе Чу.

Предки Чу были соратниками основателя династии Северная Чжоу. После воцарения император пожаловал титулы пяти великим кланам, и дом Чу был в их числе. Однако со временем государь начал тяготиться могуществом своих вассалов. Пять кланов стали костью в горле, и корона начала искать способы их уничтожения.

К сегодняшнему дню уцелели лишь два рода. Один из них — Чу — предпочел смиренно оставить свои родовые земли и перебраться в столицу, под надзор императора. Второй — князь Чэнь-лю — напротив, сохранил сильную армию в своем уделе.

И пока Чэнь-лю оставался главной угрозой для трона, князь Чу неожиданно снискал милость императора. Его старший сын, Чу Минфэн, еще не достигнув зрелости, уже занял пост помощника первого министра; в народе его прозвали «юным Гэлао».

У князя Чу было двое сыновей, оба одаренные и в ратных, и в мирских делах. Старший, Чу Минфэн — тот самый, за чье здоровье Юань Ли должен был молиться, — с детства отличался слабым здоровьем, но блестящим умом. О младшем же, Чу Хэчао, Юань Ли знал немного. Поговаривали, что это свирепый воин с устрашающей внешностью, чей лик настолько ужасен, что один его вид заставляет младенцев замолкать от ужаса.

Поскольку дом Чу проявил к нему благосклонность, Юань Ли решил ответить тем же. Он разузнал о деяниях Чу Минфэна и понял, что этот человек, несмотря на болезнь, личность незаурядная. В пути он попытался выведать больше у евнуха Яна, присланного за ним из столицы.

Евнух, обрадованный тем, что «невеста» проявляет такой интерес к будущему супругу, расписывал всё в самых радужных красках. Однако Юань Ли, читая между строк, лишь укреплялся в мысли: Чу Минфэн — человек опасный и скрытный.

Закончив со старшим братом, евнух воодушевленно спросил:

— Не желает ли молодой господин послушать и о нашем втором господине?

Юань Ли честно покачал столовой:

— В этом нет нужды.

Он не видел смысла тратить время на пустые разговоры о вояке, с которым ему вряд ли придется часто пересекаться. Евнух разочарованно цокнул языком, но принялся пересказывать другие дворцовые сплетни.

В Лоян они прибыли уже в сумерках. Юань Ли, вконец измотанный, выбрался из повозки, чувствуя, что трястись в экипаже куда утомительнее, чем скакать верхом. Разминая затекшие мышцы, он поднял взгляд на резиденцию князя Чу. Над воротами уже покачивались огромные красные фонари, балки были украшены алым шелком и цветами, а на дверях красовались иероглифы «двойного счастья».

Всё дышало торжеством. Заметив, что Юань Ли замер, евнух Ян испугался, как бы тот не передумал в последний момент.

— Молодой господин Юань, пройдемте? — засуетился он.

Юань Ли очнулся, велел слугам позаботиться о вещах и последовал за евнухом. Среди стражи, сопровождавшей его, было тридцать его верных людей, включая трех личных слуг, выросших вместе с ним. Они были его опорой и фундаментом будущего могущества.

Юань Ли приготовил изысканные дары для каждого члена княжеской семьи, но путь, которым вел его старый евнух, пролегал в обход главного парадного двора. Юань Ли озадаченно спросил:

— Уважаемый Ян, разве мы не идем на встречу с князем и его супругой?

— Госпожа распорядилась иначе, — улыбнулся тот, придерживая полы одеяния. — Вы были в пути весь день, а луна уже высоко. Вам нужно отдохнуть. Завтра будет достаточно времени для приветствий.

Юань Ли невольно усмехнулся:

— Но ведь завтра уже сама свадьба.

— Послушайте старика, — мягко настаивал Ян. — Набирайтесь сил.

Юань Ли не стал спорить. Вскоре его привели в уютный дворик.

— Здесь вы будете жить. У этого двора еще нет имени, так что можете придумать его сами. Если что-то не по нраву — только скажите.

— Меня всё устраивает, — Юань Ли огляделся. — По дороге я видел неподалеку даосский храм. Пусть этот двор зовется «Обителью Постижения Дао».

Поблагодарив евнуха, он отпустил его. Его люди тут же принялись разбирать вещи и проверять каждый угол. Вскоре слуга Го Линь принес чашку теплого чая.

— Господин, сегодня утром с фермы пришли вести, которые я не успел вам передать, — доложил он.

Юань Ли снял верхнее платье и ослабил тугую ленту на голове.

— Слушаю.

— Ван Второй, что недавно прибыл к нам, просит принять еще одну группу беженцев.

Юань Ли улыбнулся. Его черные волосы рассыпались по плечам, а свет свечей подчеркивал белизну кожи, делая его лицо похожим на драгоценную яшму.

— Ответь ему так: пусть подсчитает, сколько их всего, где они сейчас и сколько среди них способных работать. Если они идут в сторону Жунъяна, пусть соблюдают осторожность, идут горными тропами и не попадают на глаза лишним людям. И помни: если среди них есть больные, размещай их за пределами уезда.

Го Линь старательно запоминал.

— Господин, если их несколько сотен — мы справимся. Но если придет больше? Что тогда?

— В уезде полно пустующих земель, — спокойно ответил Юань Ли. — Если мы поможем им продержаться до осеннего урожая, они станут верными жителями Жунъяна.

— Но, господин, если людей будет слишком много, наших запасов зерна может не хватить до осени.

Юань Ли отодвинул полог кровати:

— Скажи мне, сколько зерна в наших закромах? Какую норму мы выдаем на человека? Неужели ты думаешь, что эти люди будут сидеть без дела до самой осени? Ты боишься нехватки припасов, но разве ты видел, чтобы мой отец хоть раз отказал беженцам?

Эти вопросы застали Го Линя врасплох. Поразмыслив, он виновато покачал головой.

— Ты видишь лишь затраты, но не видишь выгоды в будущем, — медленно произнес Юань Ли. — Рабочие руки и хлеб — вот самая ценная валюта сегодня. В Ханьчжуне засуха, люди бегут в столицу, но их выставляют за ворота. Боюсь, император...

Его голос затих, и Го Линь не решился переспрашивать.

— Господин, есть еще кое-что. Ван Второй хочет встретиться с вами лично. Говорит, есть дело, о котором он расскажет только вам.

Юань Ли заинтересовался.

— После свадьбы будет день визита к родителям. Устрой всё так, чтобы я смог с ним повидаться.

На следующее утро Юань Ли разбудила торжественная музыка. Было еще совсем темно, но слуги уже наводнили спальню, готовя его к купанию и облачению.

Час спустя его волосы были уложены в сложную прическу, а сам он стоял в свадебном наряде. Это было великолепное многослойное одеяние, достойное знатного мужа. Несмотря на всю торжественность, Юань Ли не мог заставить свой желудок замолчать — тот предательски ворчал от голода. Слуги бережно подносили ему кусочки сладостей, пока кто-то наконец не выкрикнул:

— Готово!

Юань Ли взглянул на себя в зеркало и любопытно поправил подол. В алом шелке он казался сияющим, точно редкий рубин. Служанки то и дело бросали на него восхищенные взгляды: статный, с кожей белее снега, черными как смоль волосами и яркими губами, он выглядел воплощением благородства и изящества.

Двое портных суетились рядом, внося последние правки:

— Золотая нить на подоле чуть выбилась, сейчас подправим...

— Ох, в талии нужно еще немного утянуть. Господин такой высокий, отчего же такой тонкий?

Юань Ли хотел было возразить, что это не худоба, а результат тренировок, но промолчал. К полудню всё было закончено.

В эпоху Северной Чжоу свадебное шествие начиналось утром, а сама церемония проходила вечером. Юань Ли сидел в комнате, погруженный в свои мысли, пока усталость от ожидания не сменилась легкой дремотой. Наконец вошел евнух Ян, сияющий от возбуждения.

— Молодой господин Юань, настал благоприятный час! Скорее, идемте!

Резиденция князя Чу превратилась в море алого цвета. На деревьях развевались шелковые ленты, а бутоны персика источали нежный аромат. Из-за стен доносились звуки флейт и барабанов.

Главный зал был полон именитых гостей. Поскольку старший сын князя вступал в брак, почтить его вниманием прибыли почти все высшие чины — и гражданские, и военные. Каждый хотел хоть мельком взглянуть на «невесту».

Едва Юань Ли переступил порог зала, на него обратились десятки взглядов.

— О! — воскликнул один из военачальников. — Ваша светлость, а невеста-то у вашего сына — настоящий красавец!

Князь Чу погладил бороду и расхохотался:

— Еще бы! Куда краше твоего оболтуса.

Зал взорвался смехом. Госпожа Ян шутливо пригрозила мужу веером и поманила Юань Ли к себе.

— Дитя мое, подойди ближе, дай матери на тебя взглянуть.

Юань Ли стало не по себе от этого «матери», но он чинно подошел, и госпожа тут же взяла его за руку. Несмотря на грим, в её глазах читалась усталость, но она улыбалась.

— Я слышала о твоей доброй славе, но увидев тебя, поняла, почему люди так восхищаются тобой. Я знаю, что этот брак для тебя — жертва, но будь уверен: наша семья никогда тебя не обидит.

— Вы слишком добры ко мне, госпожа, — улыбнулся Юань Ли.

— Всё еще «госпожа»? — притворно нахмурилась она.

Юань Ли лишь вежливо промолчал. Слово «матушка» никак не шло с языка. Вдруг кто-то из гостей спросил:

— Благоприятный час близок, но почему же не выходит старший молодой господин?

Князь и его супруга обменялись тревожными взглядами, собираясь что-то ответить, как вдруг снаружи раздался встревоженный крик:

— Второй молодой господин вернулся!

«Чу Хэчао?»

Этот крик пронзил тишину зала подобно раскату грома. Военные чины повскакивали со своих мест. Голоса слуг снаружи становились всё громче и паничнее:

— Господа, прошу вас, спешитесь! Лошадям нельзя во двор!..

— Генерал, генерал! Оружие в такой день — дурной знак! Молим вас, оставьте мечи!..

Топот копыт раздался прямо у входа. Юань Ли, как и все остальные, обернулся. Группа всадников в чешуйчатых доспехах на взмыленных конях влетела на территорию резиденции.

Воины хохотали и перекликались, их лица были суровы и обветрены. Возглавлял их мужчина исключительной стати. На его лице играла дерзкая усмешка, но когда он перевел взгляд внутрь зала, в его глазах не было и тени веселья.

Он был высок и широкоплеч; тяжелый доспех сидел на нем как влитой, делая его похожим на неприступную скалу. Мышцы ног, сжимавшие бока коня, казались отлитыми из бронзы. Руки в черных кожаных перчатках уверенно держали поводья.

Алый плащ за его спиной развевался, точно кровавое знамя. Одной рукой он небрежно поигрывал хлыстом, постукивая им по голенищу сапога — в этом жесте сквозила скрытая угроза и опасная сила. Его облик был бесконечно далек от слухов об уродстве.

Юань Ли на мгновение опешил. Он-то ожидал увидеть чудовище.

В этот миг их взгляды встретились. Чу Хэчао чуть заметно прищурился, и уголок его губ дернулся в холодной усмешке. Он рывком осадил коня, спрыгнул на землю и, не снимая меча, зашагал прямо к Юань Ли.

Через мгновение он уже стоял вплотную. От него веяло пылью, потом и густым, тяжелым

запахом крови. Капля пота скатилась по его кадыку и скрылась за воротом. Юань Ли невольно нахмурился, чувствуя исходящую от этого человека первобытную опасность.

Заметив это, мужчина не отступил — напротив, он навис над Юань Ли, и в его глазах заплясали недобрые огоньки.

— Так ты и есть моя невестка? — Его голос был низким и хриплым. В нем слышалась то ли насмешка, то ли скрытый гнев. — Что ж, должен поблагодарить тебя. Еще до моего приезда в Лоян ты прислал мне... весьма щедрый подарок.

<http://bllate.org/book/15161/1633248>